

Проза нашего времени (АСТ)

Олег Зайончковский
Тимошина проза (сборник)

«АСТ»

2016

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Зайончковский О. В.

Тимошина проза (сборник) / О. В. Зайончковский —
«АСТ», 2016 — (Проза нашего времени (АСТ))

Олега Зайончковского называют одним из самых оригинальных современных русских прозаиков. Его романы «Петрович», «Сергеев и городок», «Счастье возможно», «Загул» вошли в шорт-листы престижных литературных премий: «Русский Букер», «Большая книга» и «Национальный бестселлер». Герой романа «Тимошина проза» – офисный служащий на исходе каких-либо карьерных шансов. Его страсть – литература, он хочет стать писателем. Именно это занимает все его мысли, и еще он надеется встретить «женщину своей мечты». И встречает. Но роман с ней как-то не задается, так же, как и роман с литературой. Новое возвращение к святой русской теме «маленького человека»? Или «уж не пародия ли он»? Рассказы «Осень в Зеленой зоне» и «Марина и море», вошедшие в книгу, органично сочетаются с настроением романа и продолжают его тему.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Зайончковский О. В., 2016
© АСТ, 2016

Содержание

Тимошина проза	6
Глава первая:	6
Глава вторая:	13
Глава третья:	22
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Олег Зайончковский

Тимошина проза

© Зайончковский О. В., 2016

© ООО «Издательство АСТ», 2016

Тимошина проза

Глава первая: В поисках женского

1. Портрет кота

Как и любому из нас, теоретически ему принадлежал весь мир, но Тимоша редко осматривал свои отдаленные владения – он проживал на тринадцати квадратных метрах.

Правда, издавна обжитая комнатка – это тоже мирок, пусть даже и населенный одним-единственным обитателем. Оказавшись в Тимошиной комнатке, можно было, не задавая вопросов, узнать кое-что о его прошлом и настоящем. Вот за стеклом на полке выстроилась коллекция автомобильчиков, – модельки были хотя и старые, но все в отличной сохранности. На торце полки виднелись еще следы переводных картинок, соскобленных и затертых; а если заглянуть за кресло, разделявшее эту полку и книжный шкаф, то на обоях можно было найти каракули, начертанные младенческой рукой. Это трогательное послание из невозвратимого прошлого свидетельствовало о том, что комната не знала ремонта как минимум тридцать лет. Книжный шкаф справа от кресла, тесно уставленный книгами разной степени зачитанности и далеко не одинаковой художественной ценности, сверху завален был пыльными папками и тубусами, оставшимися, очевидно, от времен студенчества. Здесь же, в шкафу, в буковой красивой рамочке стоял портрет рыжего с пятнышками кота – друга Тимошиного детства и ранней молодости.

Однако и современность тоже заявляла в комнате свои права, пусть даже совершенно стихийно. Старая домашняя парта сама собой давно превратилась в компьютерный стол, а где когда-то была корзина с игрушками, там теперь высилась многоэтажная башня «хай-фай»-аппаратуры. Напротив дивана чуть не половину стены занимал огромный ковер-телевизор, большую часть времени беззвучно пылавший красками. Были тут и вещицы поменьше – разнообразные гаджеты с экранчиками и без, чье назначение не всегда понятно, но без которых уже не полна жизнь современного человека.

В этой же комнате находился предмет, привлекавший особенное внимание Тимошиных посетителей, а точнее сказать, посетительниц. Он обычно стоял за дверью, прислоненный к стене, и в сложенном виде напоминал большую гладильную доску. Это, однако, был настоящий массажный стол. Посетительницы затем Тимошу и посещали, чтобы на этом столе он гладил и освежал самое дорогое, что у них было.

Комната, где человек прожил достаточно долго, может многое рассказать о нем. О характере и привычках, о занятиях и увлечениях, и даже о состоянии его сердечных дел. Последнее, разумеется, интересовало Тимошиных посетительниц. Независимо от того, имело ли это для них значение, проницательные посетительницы отмечали, что фото кота Тимоша оправил в рамочку, а женских ни одного в комнате не держал. Это доказывало, что у него сердце было или разбито, или просто никем не занято.

2. Посетительницы

Свое любопытство к Тимошину персональному житию-бытию (впрочем, довольно поверхностное) посетительницы утоляли в ходе ознакомительного визита. Являясь в после-

дующие разы согласно назначенному расписанию, они уже не отвлекались на изучение комнаты. Драгоценных минут не теряя попусту, посетительницы раздевались – застенчиво, или кокетливо, или отважно-решительно, или царственно-неторопливо. Тимоша тем временем приготавливал ложе, то есть раскладывал свое массажное сооружение и покрывал его простыней. Обнажась до пределов, положенных только их собственной скромностью, посетительницы взбирались на высокий стол с помощью небольшой скамеечки, после чего укладывались на живот и опускали лицо в специальный иллюминатор. Когда Тимоша орошал их тело арабским благовонным маслом, женщины сладко ежились: с замиранием сердца ждали они прикосновения его волшебных рук.

Эти полеты на массажном столе производили на посетительниц неизгладимое впечатление и, во-вторых, конечно, оказывали укрепляющее, оздоровительное воздействие.

– Все ломоты и в пояснице, и вот в этих местах прямо как рукой снимает, – рассказывали посетительницы своим подругам. – И потом он так это делает, просто не сказать как!

Молва о Тимоше как о талантливом массажисте передавалась из уст в уста. В женских кругах микрорайона он был популярен не меньше Ниночки, выдающейся маникюрши из салона «Локон». Разница между ними заключалась в том, что Ниночка своим искусством зарабатывала на жизнь, а Тимоша лишь подрабатывал. Правильнее сказать, что массаж был для него способом самовыразиться. Каждому человеку нравится делать то, что у него хорошо получается. Незабываемые свои сеансы давал он по вечерам, не чаще трех раз в неделю, днем же Тимоша трудился в Проектной организации, где от сотрудников требовались не чудо-руки, а умственные способности. К счастью, Москва велика, и Тимошино место работы далеко отстояло от места жительства. Чем занимался он в неслужебное время, коллеги Тимоши не знали, да и вряд ли хотели знать.

Однако предосторожность была не лишняя, если учесть, что в обществе живы еще предрассудки в отношении любого массажа. Многие люди считают, что массажные процедуры доставляют непозволительное удовольствие пациенту и оператору. Какое глубокое непонимание! И вообще, кто сказал, что целебное и полезное непременно должно быть болезненным или горьким? Как бы то ни было, но сотрудники Проектной организации если и пользовались услугами массажистов (а надо думать, пользовались), то, разумеется, не из своей среды.

Хорошо, что никто из среды Тимошиных сослуживцев не проживал от него поблизости. Может быть, это не говорило в пользу микрорайона, но как массажисту Тимоше давало свободу рук. Женщин из всех сред общества схожи строением тела; все они иногда испытывают ломоты и нуждаются в укрепляющих процедурах. Что из того, что Тимошины посетительницы читали только журнальчики со столика салона «Локон». Во время сеансов Тимоша руками чувствовал их первобытную женскую плоть, а они ощущали его первобытную магию рук. И при чем же тут, спрашивается, круг чтения? Конечно, порой случалось, что отзывчивость женской плоти переходила в зов, а Тимошина плоть на зов этот откликалась. Это было вполне естественно и лишь доказывало пользу от его сеансов. Посетительницы забывали о своих ломотах; они покидали Тимошу омолодившимися и обновленными.

Некоторые подробности массажной практики Тимоша благоразумно скрывал от своих родителей, с которыми делил жилплощадь. Но он не мог запретить им тревожиться и фантазировать по поводу посетительниц. Впрочем, во время сеансов родители, как правило, сидели тихо у себя в комнате.

3. Родители

Когда благодарные посетительницы покидали Тимошу после сеанса, их путь пролегал коридорчиком и дальше налево в прихожую, куда выходили еще три двери. В одной из две-

рей непременно показывалась лысоватая голова. Это был папа, и с ним воспитанные посетительницы тоже заодно прощались. Папина голова отвечала киванием – сдержанным, но достаточно вежливым. Однако как только за посетительницей закрывалась дверь, сдержанность оставляла папу.

– Эти хождения по вечерам! – восклицал он. – Когда же они прекратятся?

Дверь, где была его голова, открывалась шире – рядом с папой возникала мама. Она поясняла папино возмущение:

– Дорогой, мы просто не знаем, что думать... Эта женщина наверняка замужем.

– Вы опять за свое! – огрызнулся Тимоша. – Ваше ханжество нестерпимо! Если хотите знать, я просто даю сеансы.

Подобные сцены периодически повторялись и были привычны для их участников. Оскорбленный беспочвенными, по его словам, подозрениями, Тимоша скрывался у себя в комнате, а родители продолжали делиться друг с другом невеселыми соображениями.

– Эти женщины явно не его уровня, – уверенно предполагал папа.

– Ты совершенно прав, – соглашалась мама. – И должно быть, не нашего круга.

– Когда он только остепенится...

– Ох, и не знаю... Должно быть, не скоро дождемся мы законных внуков.

Этот обмен замечаниями показывал, что ни в какие «просто сеансы» папа с мамой не верили. Кроме того, проявлялась сложность родительского запроса. Папе с мамой, конечно, хотелось внуков, потому что кто их не хочет, однако не от кого попало. Эта требовательность означала, что покамест родителей не припекло. Под конец разговора папа уже сидел под торшером и листал газету, а мама целилась в телевизор пультиком.

Для родителей, как и для всех равнодушных людей, личное отступало, когда подходил ежевечерний час новостей. Час волнительной геополитики, пропагандистских клише, поразительных разоблачений и беспощадной биржевой статистики. В мире происходили события, которые тоже нуждались в папином с мамой анализе, обсуждении и оценке.

Но когда жизнерадостный телесиноптик выдавал завершающую свою порцию лжи, когда прочитанная газета становилась мусором, – тогда к родителям возвращалось «личное». Оно во плоти появлялось в комнате – большое, немногословное, немного хмурое.

– Ну что, вы уже свободны?

Тимоша в душе иронически относился к политизированности родителей. Но кое-какое общее увлечение каждый вечер соединяло семью.

– Разумеется, зачем ты спрашиваешь!

Папа с мамой перебирались в Тимошину комнату. Невольно принюхиваясь, они усаживались на его диване. Комната еще хранила запах египетских умашений. Напротив дивана светился огромный экран телевизора. Но это уже был другой телевизор и другое вечернее время; всё актуальное и злободневное улетучивалось из сознания. Наступала пора всей семьей погрузиться в артхаусный нудный вымысел. Этому времени суток замечательно подходил, например, скандинавский кинематограф. Всем троим своим зрителям он разгружал в преддверии ночи души.

Потом они спали, читая во сне субтитры, и просыпались на другой день. Утро тоже было семейным. Первым поднимался папа и отправлялся на кухню, чтобы для всех приготовить овсяную кашу. Делал он это так: наливал молоко в кастрюльку и ставил ее на плиту. После чего до закипания молока у него оставалось четыре свободных минуты, которые он использовал, чтобы завести часы. Эти часы были старые, их пружина когда-то лопнула и была укорочена, отчего каждую ночь они останавливались. И каждое утро папе приходилось их оживлять. Так получилось, что это действие вошло в рецепт приготовления каши.

Семейное счастье, оно как овсянка – готовится ежедневно. Способы приготовления бывают разные; часто противоречия и разногласия входят в состав рецепта. Можно

дружно всей семьей протирать помытую посуду, можно сливаться в любви к скандинавскому кинематографу. Но если в семейной каше чего-то недостает или чувствуется горчинка, это значит – пора заводить детей, покамест еще не поздно.

4. Женщины вообще

Но дети не родятся сами. Прежде чем сделать своих маму с папой чьими-то прародителями, Тимоша был должен на ком-то жениться. От него только и требовалось, что найти «подходящую» молодую женщину. Что же имели в виду Тимошины мама с папой? Прямо они не формулировали, но их обмолвки насчет «культурного уровня» и «нашего круга» означали, скорее всего, что женщина должна была быть такая, чтобы любила овсяную кашу и авторское кино.

Однако в Тимошином представлении всё обстояло сложнее. Задача внукорождения для мамы с папой стояла у него не на первом месте. Тимошу в его отношениях с женщинами беспокоила мысль о любви, точнее, о ее отсутствии. Лишь единожды в своей жизни он, кажется, был влюблен, но это случилось давно, в школьном детстве. Что-то вспыхнуло и погасло, но оставило навсегда тревожную память чувств. В дальнейшем, приобретая положенный мужской опыт, Тимоша сперва надеялся снова влюбиться, а потом перестал надеяться. Только и приходилось, что констатировать: в его отношениях с противоположным полом отсутствовал самый важный ингредиент.

Был Тимоша слишком разборчив или, наоборот, слишком разбрасывался в своих отношениях с женщинами – в сущности, какая разница. Мамин с папой невысказанный упрек был для него как горчинка в каше. Сами родители были так прочно, так безальтернативно счастливы в браке, что казалось, будто они родились женатыми друг на друге. Они полагали, наверное, что Тимоше недостает только доброй воли, чтобы сделаться счастливым тоже.

Но если бы кто-то неделикатно спросил его самого, почему он, дескать, до сих пор не женится, Тимоша бы просто пожал плечами. Он считал, что проблема была не в нем, а в женщинах. Все они были словно скроены по шаблону – и те, что вверяли ему тела свои, и приятельницы, оставшиеся со времен студенчества, и сослуживицы, с коими преломлял он kekсы за одиннадцатичасовым чаем. Они изъяснялись готовыми фразами, и фразы эти как будто готовились на одной кухне. Женщины усреднились внешне, секреты своей привлекательности черпая из популярных источников. Но даже и под слоями косметики, под оболочкой усвоенных интонаций и выученных манер не таилось у них никакой загадки. Донышко женской души виделось близким и плоским, как у городского фонтанчика, и лежала на этом донышке разная налетевшая чепуха и денежки.

На самом деле, конечно, женщины были не виноваты. Они не могли удивить Тимошу лишь потому, что он их обобщал, как любой невлюбленный мужчина. Удивление и загадка не в женщине заключаются, а в любви. Если бы он полюбил, то обобщать ему бы уже не понадобилось.

Впрочем, Тимоша и в принципе был склонен к анализу и обобщениям – просто по складу своего характера. Он не мог успокоиться до тех пор, пока интересующее его явление не получало теоретического объяснения. Конечно, теории и объяснения бывают разные, вплоть до самых нелепых, но для таких аналитиков, как Тимоша, лучше иметь нелепые объяснения, чем не иметь совсем. Что касается женщин, то, разумеется, у него были соображения на их счет. Тимоша не отрицал известных достоинств у некоторых из них, но именно что известных. Почему дно души у женщин было зацементировано, а индивидуальность стерта? У Тимоши на это было единственное объяснение (могло быть и больше, но люди аналитического склада ума не любят усложнять теорию). Тимоша считал, что на женщин решающее влияние оказывает среда, в частности город, в котором они родились или обосновались. Все

известные Тимоше женщины были жительницами Москвы, и в этом крылась причина их удручающей унификации.

5. Город

Город Москва чрезвычайно велик и, по идее, должен быть чрезвычайно многообразен. Непрерывно он прирастает новыми жителями и жительницами, приезжающими из других краев. Казалось бы, вот они, удивительные, иные, пахнущие ковылем или кедровой хвоей, многоликие, как сама Россия. Но в действительности получается совсем не так. Провинциальные ароматы выветриваются из приезжих, и остается одна только многоликость. Но московская многоликость – это не более чем разнообразие генетического материала. Бывшие провинциалы, сбежавшие от ковылей и кедров, чтобы слиться с потоком цивилизации.

Люди едут в Москву, чтобы сделаться москвичами со всеми приятными вытекающими возможностями. Только здесь человеку доступен выбор благ и услуг, которого он достоин. Каких только способов наслаждения, насыщения, оздоровления и другой всевозможной самореализации не предлагает Москва! В этом она поистине многообразна. Город дышит поэзией потребительства; он похож на огромную скатерть яств, которые не перепробовать. Москва соблазняет, обслуживает и обманывает, а бывшие провинциалы стремятся скорее стать квалифицированными клиентами.

В области соблазнения и потребления особенно преуспевают женщины. Приобретательство – это женский половой признак. Они покупают и покупают – всё, что можно купить, а остальное мечтают получить в подарок. Но, разумеется, шопинг не единственное их занятие. Свободное от покупок время женщины посвящают себе, совершенствуя дух и тело. Москва к их услугам: бесчисленные фитнес-центры и спа-салоны, модные театральные представления, выставки современного искусства, литературные вечера с участием зарубежных властителей дум.

Женщины совершают траты, находясь под гипнозом рекламных мантр. «Вы этого достойны!» – слышат они отовсюду, – и как тут не согласиться. Каждая женщина имеет право на новую посудомойку или на то, чтобы грудь у нее была побольше. Вопрос только – стоит ли эта новая большая грудь потраченных на нее денег. Реклама в открытую насмехается: «Если мы вас облапошили, значит, и этого вы достойны». Бывает, что, приходя в себя, женщины чувствуют себя обманутыми. Тогда они видят Москву иначе. Женщины сомневаются: этот город удовлетворяет их или они его?

И вот, при виде московских скверов всех степеней проплеванности, вспомнятся ковыли и кедры. Плантации серо-зеленых пятиэтажек напомнят сердцу капустные гряды. Бескрайние «спальники», белые или охряные, покажутся меловыми утесами или песчаными дюнами, окрашенными закатом. Поля орошения и промзоны, туманные и зловонные, вызовут в памяти образы далеких родных болот.

Ностальгическое уныние настигает в Москве обманутых, но, как правило, ненадолго. В этом городе надо быть готовым к неожиданным неприятностям. Вот в метро, разбросав покупки, падает замертво человек, а москвичи и москвички хладнокровно перешагивают через труп. Случись им самим помереть вот так, их лица не изменили бы присущего отчужденного выражения.

6. Виртуальные провинциалки

Семя, упавшее на московскую почву, обращается в камушек, а если и прорастает, то непременно мутирует. Московские женщины были сплошь ядовитые и колючие, страшно далекие от Тимошиного идеала. А каким был его идеал? На этот вопрос у него четкого ответа

не было. Трудно описать словами то, что еще не видел, а главное, не почувствовал. Если кто-то описывает в подробностях женщину своей мечты, это выглядит как заказ в какую-нибудь неприличную службу.

Но хотя с идеалом Тимоша еще не определился, он знал, где его искать. И даже принимал для поиска кое-какие действия, разумеется, втайне от папы с мамой. Часто бывало, что после сеанса с очередной московской своей посетительницей Тимоша включал компьютер и погружался в соцсеть. От физического он переходил к виртуальному, из Москвы перелетал в провинцию. Вот они где обитали – женщины, чистые сердцем, чувствительные и доверчивые, искренние, но загадочные, как само женское первоначало.

В промышленных городах, в райцентрах, в селах и Интернет еще знает где – всюду существовали женщины и в поисках счастья чатились. Зарегистрированные, оцифрованные, сокращенные до резюме, они тем не менее были прекрасны. Их лица светились надеждой и обещанием блаженства. Даже не самых правильных черт, но в макияже, наложенном творчески, обрамленные удивительными прическами. Эти портреты хотелось держать у сердца, но их было слишком много, и потому Тимоша сохранял их в «облаке».

С приглянувшимися провинциалками он виртуально знакомился. Общаться Тимоша предпочитал письменно – так было легче анализировать сказанное им самим и его собеседницами. И было над чем иногда задуматься – все-таки эти женщины и Тимоша жили в разных мирах. Одна из них, например, не знала, что Бегбедер писатель, а считала, что это сорт иностранного сыра с плесенью. Многие термины провинциалки расшифровывали по-своему, но и Тимоша порой не сразу понимал их намеки и тонкие выражения. Они применяли какие-то древние коды эпистолярного флирта, вышедшие из употребления, как азбука Морзе.

Но кое-какие трудности перевода только подогревали Тимошин живой интерес к немосковским женщинам. Оставалось попробовать познакомиться с ними, как говорится, в реале.

7. Неожиданное решение

Какие фантазии только не водятся в голове, особенно в голове холостого мужчины, какие не громоздятся теории! А тем временем жизнь проходит: дни сменяют один другой, в области темени выпадают волосы. Работа, дежурные развлечения, преферанс с родителями, связи с женщинами без увлечения. Редкие поездки к бабушке за поучениями и на кладбище к дедушке – посидеть в молчании.

Скучная, честная внешняя жизнь Тимоши протекала вполне размеренно. Но по ночам, когда на кухне останавливались часы, ток этот прерывался. Наступало безвременье, и Тимоша выпадал из реальности. Он фантазировал, чатился с провинциалками, а когда не чатился, предпринимал попытки литературного сочинительства.

Образ Тимошиной жизни, образ мыслей его и характер, казалось, не оставляли надежды на перемену участи. Тем не менее в нем назревало что-то вроде внутренней революции, чего даже сам Тимоша не замечал, несмотря на свою склонность к анализу и самоанализу.

Перелом в сознании произошел как-то вечером. Тимоша курил у себя на балконе. Дым сигареты на фоне неба был практически неразличим. Это московское мутное небо подпирали дома спального микрорайона. Дома были той же серии, что и тот, на балконе которого курил Тимоша. У подножия каждого дома тесно стояли автомобили, напоминая снятые в прихожей туфли. Где-то икала автосигнализация, где-то брехала выгуливаемая собачонка. Вечер как вечер, сплошная обыденность. Тимоша хотел погасить уже сигарету, как вдруг на парковке прямо под его балконом разразился скандал. Две подъехавшие одновременно женщины спорили из-за места. Выбравшись из своих машин, они бранились по-московски

крепко и взмахивали друг на друга сумочками. Сверху казалось, что женщины состоят из одних только задов и бюстов с приделанными по бокам руками. Бюсты могли быть искусственными, но зады были, конечно, собственные, унаследованные от матерей. Что в этих женщинах было подлинным и неподдельным, так это их злоба. И в этот момент у Тимоши внутри словно что-то лопнуло. Он заплевал сигарету, вернулся в комнату, сел за компьютер и, не дожидаясь ночи, отправился к провинциалкам в «облако».

Тимоша разархивировал провинциалок, но уже не затем, чтобы погрузиться в привычные свои мечтания. Он собирался выбрать только одну девушку и предложить ей встретиться. Это решение не было сиюминутным порывом на нервной почве. Оно вызревало давно, подспудно в недрах его души. Чтобы Тимоше его наконец осознать и принять, нужен был только импульс. Этим импульсом был он обязан двум московским повздорившим автоледи.

Глава вторая: Люба Новикова

1. Презики как знак надежды

Месседж был послан, и ближе к ночи получен был на него ответ. Тимошу приглашали в гости. Как говорится, процесс пошел – процесс с непредсказуемым результатом. Как знать, чем обернется встреча двух взаимозагадочных миров и тел. Неожиданно для себя Тимоша разволновался. В эту ночь он долго не мог уснуть и дважды ходил на балкон курить. Город тоже – спал и не спал в мерцании множества ночников, тяжело ухая временами и тревожно вскрикивая. Знала ли Москва, что один из ее сыновей хочет ее оставить в поисках альтернативного счастья?

Чтобы его непосредственные родители тоже не стали тревожно вскрикивать, Тимоша не рассказал им о цели своей поездки. Впрочем, ему предстояло не такое уж дальнее путешествие. Провинциалка была относительная, больше в Тимошином представлении, – девушка проживала в райцентре Федюнино Московской области. Всю экспедицию можно было оформить как загородный уикенд. Маме же с папой Тимоша сказал, что едет на дачу к товарищу по работе. Но даже и это известие произвело родительский переполох. Папа прочел красноречивую лекцию об энцефалитных клещах, а мама просила, чтобы Тимоша, если встретит коров, не приближался к ним, потому что в их стаде может оказаться агрессивный бык. Удивительно, сколько сведений о сельской жизни обнаружили мама с папой. Но в итоге Тимошу благословили, взяв с него напоследок клятвенное обещание не купаться ни в прудах, ни в реках.

В оставшиеся до субботы дни Тимоша укладывал рюкзачок. В поездке могли возникнуть непредвиденные ситуации, к которым следовало подготовиться. Папа с мамой, конечно, помогали советами, но Тимоша и сам был человек обстоятельный. Рюкзачок выходил тяжеленький, но зато в нем имелось всё нужное для выживания за пределами города, включая вязанные носки, репеллент и швейцарский ножик. В тайном кармашке Тимоша спрятал упаковку презервативов.

Тем не менее в ходе сборов Тимоша порой зависал в сомнениях. Не то чтобы его пугала эта поездка в неведомое – просто ему непривычно было ощущение авантюры.

2. Отправление по расписанию

Теперь отменить поездку мог лишь какой-нибудь форс-мажор – техногенное или стихийное бедствие. Однако Тимоша в субботу с утра справился на погодном сервисе и не нашел ничего угрожающего. Взглянув непосредственно из окна, он убедился, что солнце светит вполне уверенно в матовом небе города. На железных дорогах, похоже, всё тоже обстояло штатно: в расписании электричек не было никаких отмен. Тимоше оставалось только вскинуть рюкзачок на плечи, расцеловать родителей и отправляться в путь.

Первый этап его путешествия был ему более чем знаком. Каждый день, отправляясь на службу, Тимоша вот так же протискивался в маршрутку, идущую до метро. Привычно закрыв глаза, он, в зависимости от того, как повезет с пробками, некоторое время галлюцинировал в парах бензина. В эту субботу «Газель» долго на заводилась; водитель ругал ее по-таджикски, а она отстреливалась из глушителя. Такое начало поездки можно было бы счесть дурным предзнаменованием, если бы не было обычным делом.

А в метро обошлось без каких-либо предзнаменований; метро всегда утешает своим бесперебойным функционированием. Лишь единожды Тимоша вздрогнул – когда чуть было не пропустил остановку. Он по привычке едва не уехал к себе на работу, но, вовремя спохватившись, выскочил из вагона. Станция располагалась непосредственно под железнодорожным вокзалом. Шагнув на платформу, Тимоша сразу, как капля в реку, влился в поток людей с рюкзаками и сумками на колесах. Эти люди обуты были в грубые башмаки и одеты в выцветшие обноски; казалось, что происходит какая-то эвакуация, но это всего лишь пешие дачники мигрировали на выходные. Очень скоро Тимоше досталось под ребра черенком лопаты и отдавило ногу колесом сумки, но его это не расстроило. Даже стало спокойнее оттого, что так много народа ехало вместе с ним за город.

Особенных сложностей не возникло и на железнодорожном вокзале. Тимоша прошел сквозь раму не реагиовавшего ни на что детектора и оказался в зале пригородных отправок. Пресловутых вокзальных бомжей он не увидел ни одного; вместо них здесь лежали, пованивая, две милицейских овчарки и один ротвейлер. Собаки не реагировали на окружающее так же, как и детектор. Пассажиры спешили купить билеты, но сталкивались с процедурой. Кроме окошек с живыми задумчивыми кассиршами, в зале были расставлены автоматы, возле которых пассажиры сами впадали в задумчивость. Тимоша тут был человеком новым, и потому билетик приобрел у женщины. Этот билетик выглядел несерьезно в сравнении со своей стоимостью; тоненькая бумажка сминалась и не хотела засовываться в щель турникета. Тимоша преодолел это маленькое затруднение и вышел к платформам. Здесь на него смотрели сразу несколько электричек, словно рыбины на лотках, мордами в одну сторону. Эти морды должны были стать хвостами. Отыскав среди электричек ту, что шла до Федюнино, Тимоша вошел во второй от морды-хвоста вагон, выбрал место по ходу движения и сел, заложив ногу на ногу. Он испытал промежуточное удовлетворение. Начало его путешествия в общих чертах соответствовало задуманному.

До отправления электрички еще оставалось время. Вагон заполнялся всё новыми пассажирами. Это были, конечно, дачники, обвешанные поклажей, но также студенческая тонконогая молодежь, и застенчивые гастарбайтеры, и надменные женщины-богомолки, и женщины-матери со своими орущими и кривляющимися детьми. Все с волнением выглядывали свободные места, а наконец усевшись, испытывали промежуточное удовлетворение. Но вот и совсем не осталось незанятых мест в вагоне. Пассажиры, которым не повезло, скорбною вереницей тянулись между сидящими и уходили в другой вагон. Сидящие отворачивались от них.

Поезд тронулся точно по расписанию. Легкая дрожь покотившегося вагона через сиденье отдалась Тимоше и отозвалась в душе легким трепетом ожидания. Он переключил всё внимание на окно, готовый впитывать впечатления.

3. Зона отчуждения

Поезда входят в город и из него выходят через не самые чистые его места. Так повелось исторически, еще с паровозных времен. Железная дорога тогда были чумазой, и городские окрестности ей соответствовали. Потом появилась электротяга; дорога стала гораздо чище, гигиеничнее для организма города. Но окрестности ее остались прежними.

Красивые новенькие поезда на бегу разметали всякую городскую дрянь: пакеты, окурки, пивные банки. Вдоль путей все заборы и стены пакгаузов были исписаны непристойностями, политическими доносами и просто абракадаброй. На придорожных откосах пьянствовали отбросы городского социума. Трудлюбивой железной дороге, по природе своей склонной к размеренности и порядку, было чуждо такое ее окружение. Она как могла боролась с обступавшим ее городским хаосом. Тимоша прочитывал трогательные железно-

дорожные надписи, выложенные белым камешком: «Счастливого пути!» – туда, и обратно: «Добро пожаловать!».

4. Самолетик

Но вот кольцевая автодорога накрыла поезд и схлынула – электричка пересекла городскую границу. Рельсы бежали дальше, в так называемое замкадьё. Об этом пространстве Тимоша не имел современного представления. Когда-то, очень давно, ему довелось провести месяц в загородном детском лагере. Везли их туда и обратно автобусами. Поселения, мимо которых проезжали дети, выглядели запущенными, олицетворяя тогдашний экономический кризис. В окрестностях лагеря были, конечно, и лес, и речка, очень красивые, но полные всякой плавающей и летающей гадости. На его территории еще оставались щиты с рекламой пионерского образа жизни; эти щиты при ветре падали детям на головы. Иногда из ближайшего городка слышались звуки стрельбы, и каждую такую ночь Тимошин сосед по палате онанировал под одеялом. Мальчик как мог прогонял тревогу. А когда всё это закончилось, уже дома, в Москве, мама нашла у Тимоши вшей.

Эти воспоминания всплыли по выезде из Москвы, но теперь они только мешали свежему восприятию. Замкадьё неузнаваемо преобразилось. На станционных платформах, выкрашенных в голубое с белым, электричку встречали девушки в легких платьицах или обтягивающих штанишках. У девушек были татуировочки на тех или иных местах, а в руках они держали смартфончики или баночки с энергетиком. Пристанционные площади пестрели вывесками, а за ними высились заросли новостроек кукурузного цвета. Частные домовладения вдоль дороги были добротными и зажиточными; из-под яблонь и ив выглядывали широкие, рубиново инкрустированные зады машин. В полях представители среднего класса практиковались в верховой езде или, повязавшись банданами, устраивали покатушки на квадроциклах.

А наверху в попутном поезде направлении небо стриг прогулочный самолетик. Тоненький, невесомый, с татуировочками на фюзеляже, он беззаботно вертел пропеллером, не спеша уходить в отрыв. «Вот она какова, провинция!» – удивлялся про себя Тимоша.

5. Федюнино Московской области

В вагоне почувствовался запах хвои. Вдоль дороги сгущались ели – темные, рослые, мрачноватые с виду. «Настоящая дичь... – подумал Тимоша. – Здравствуй, батюшка Русский лес!» Он приготовился распрощаться с цивилизацией. Однако дремучий лес скоро опять поредел, перешел в неопрятный кустарник и кончился. Взгляду предстали холмистые выбритые поля, засеянные там и тут дачными поселениями. Поля рассекало шоссе, по которому в муравьином трафике двигались автомобили. Это шоссе с машинами и Тимошина электричка устремлялись в одном направлении – туда, где маячили над холмами очередные початки высоток. Это и было Федюнино.

Конечно, Тимоша был чужд предвзятости, но, положив руку на сердце, он выезжал из Москвы с заведомыми ожиданиями. Старый советский кинематограф, литература и папа с мамой сформировали Тимошины представления о провинции. Федюнино ему виделось патриархальным, пыльным и сонным уездным городишкой. Где главным транспортом остается мотоцикл с коляской; где на улицах можно повстречать козу, но трудно встретить трезвого мужика. Где девушки, пока свежи, гуляют под ручку с подружками и поют, но скоро выходят замуж за местных пьяниц. От беспросветной жизни они превращаются в угрюмых баб. Правда, мужья-алкоголики не доживают до пенсии, но женщины сознают, что их годы вышли, и в виде старушек досиживают свой век на лавочках у калиток.

Девушку, к которой Тимоша ехал знакомиться, звали Люба, а по фамилии Новикова. Судя по резюме, замужем Люба Новикова не бывала и годы ее далеко не вышли. Втайне Тимоша представлял себя благородным рыцарем, спешащим избавить девушку от уготованной ей печальной уездной участи. С ним бы она не сделалась бабой. Тимоша бы не позволил ей отцвести до времени; он бы делал ей регулярный массаж и делился бы с ней своим культурным бэкграундом.

Однако Федюнино не соответствовало заготовленным представлениям. Здание станции было новое, даже с претензией на «хай-тек». Тимоша, как и другие приехавшие, прошел металлические турникеты и оказался на привокзальной площади. Вид ее был если и захолустный, то уж никак не сонный. Площадь была обставлена торговыми павильонами и закусочными. Машины и люди сновали по ней во всех направлениях. Машин было много, хороших и разных. Проезжали и мотоциклы – «чопперы» и спортбайки.

Прибывшие пассажиры растворились в привокзальной сутолоке, и только один Тимоша остановился в некотором недоумении. Вокруг него шевелилось и двигалось всё или почти всё. Две девочки неподалеку задумчиво обедали с палочек эскимо, видимо, в ожидании закупувавшихся матерей. Тимошины представления об уездной действительности развеялись на этой площади, а новые еще не образовались.

– Куда едем, начальник? – спросил его подошедший деловитый тип.

Адрес лежал у Тимоши в кармане, но он вдруг подумал, что не готов еще встретиться с Любой Новиковой.

– Пока никуда.

– Ну-ну. – Тип цыкнул зубом и отошел.

– Пешочком пройдемся, – добавил Тимоша задумчиво.

Идея возникла сама собой. Прежде чем познакомиться с девушкой, он захотел познакомиться с городом. Это было бы даже правильно, в соответствии с его теорией о женщинах и среде обитания.

Страхнув с себя временное оцепенение, Тимоша двинулся через площадь. У него оставалась еще надежда, что, углубившись подальше в улочки, он отыщет там что-нибудь книжно-уездно-патриархальное. Но сколько Тимоша ни углублялся, патриархального ничего обнаружить не удавалось. Конечно, он избегал скопищ многоэтажек, но даже и в частном секторе строения были вполне современными. Ни почерневших столетних срубов, ни окошек с резными наличниками, с цветами и бабушками на подоконниках. Домики были обшиты сайдингом и смотрели на улицу без выражения стеклопакетами, скучными, как очки без оправы. И жилые, и прочие здания выглядели тонкостенными, быстросборными, возведенными наскоро и не надолго. Можно было подумать, что жители городка претерпели недавно стихийное бедствие и ожидали следующего. «Словно какая-то декорация», – недоумевал Тимоша. Он повстречал церквушку, но даже ее, казалось, дунь, и унесет ветром.

Так он бродил, изучая Федюнино, пока не почувствовал голод. В рюкзаке у Тимоши лежала коробочка с мамиными пирожками, взятая на всякий случай, но «сесть на пенек», чтобы их съесть, было и негде, и он стеснялся. Но ему повезло: вскоре он оказался на какой-то торговой улице. Здесь был магазин, называвшийся «Супермаркет», и много других магазинов и заведений, соблазнявших разнообразными предложениями – от свежего мяса до турпоездов в Египет и куда угодно. Был, между прочим, и салон массажа. «А как у них с мясом жареным?» – спросил про себя Тимоша и тут же увидел вывеску: «Отдохни». Обеды, отель, бильярд».

6. «Отдохни».

Гамбургер по-федюнински

Прочитав про «обеда», Тимоша решил рискнуть. Войдя в заведение, он и правда почувствовал запах кухни. Из общего небольшого холла можно было пройти налево, в бильярдную, или прямо, к стойке гостиничного ресепшена, или направо, в обеденный зал. Всё было в точности, как обещала вывеска. Ресепшеонистка за стойкой подняла на Тимошу глаза.

– Я туда, – кивнул он направо, и девушка потеряла к нему интерес.

Зал оказался не маленький, не большой: столиков на пятнадцать. Посетителей было не густо. Освободившись от рюкзака, Тимоша расположился за приглянувшимся столиком. Не успел он и оглядеться, как подошла официантка.

– Чикен, картофель фри, гамбургер по-федюнински...

Тимоша не приготовился.

– Подождите, простите, э-э...

– Татьяна. – Официантка ткнула пальчиком в бейджик, лежавший почти горизонтально на ее груди.

– Татьяна, а есть у вас что-нибудь, ну такое... наше?

– Щи могу предложить. Только надо спросить на кухне.

Официантка сходила на кухню и доложила, что всё «о-кей», только надо «чутко обождать», и что будут не щи, а борщ.

– Можем и обождать, – согласился Тимоша.

Он никуда не спешил, но и времени зря не терял. Из рюкзака он достал коробочку с мамиными пирожками. Это выглядело не совсем прилично, но Тимоша решил, что здесь можно не церемониться, – все-таки он был в провинции. Один пирожок он выложил на салфетку и уже приготовился съесть, как вдруг на соседний стул плюхнулся какой-то дядька.

– Домашние? – спросил он, показывая на пирожки.

– Угощайтесь, – пробормотал Тимоша.

– Вот молодец! – похвалил его дядька. – Ты меня пирожком угостишь, а я... – жестом фокусника он откуда-то достал графин, – а я угощу тебя этим.

В графине плескался, по-видимому, коньяк.

– Нет, нет, нет... – замотал головой Тимоша.

– Брось, сейчас мы вторую стопку... Танюша, эй!..

«Началось, – подумал Тимоша. – Это тебе не Москва».

Официантка выдала им вторую рюмку, и дядька, не мешкая, ее наполнил.

– Знаешь нашу федюнинскую поговорку? Сухой пирог во рту, он... ну это самое...

– Дерет, – подсказал Тимоша.

– Точно! – хохотнул дядька. – Давай за знакомство и всё такое. Меня, кстати, Толяном звать.

Разбитному Толяну на вид было лет пятьдесят. Он был одет в пиджак и спортивные штаны с кроссовками. Тимоша тоже представился, и они обменялись обоюдокрепким рукопожатием. После этого им уже невозможно было не выпить. Тимоша с Толяном, чокнувшись, опрокинули по одной, потом по другой и по третьей рюмке. Знала бы мама, что пирожки ее будут использованы как закуска! Жидкость в графине оказалась действительно коньяком, но Тимоша пил лишь из вежливости. Все-таки это был первый его контакт с живым, непридуманным провинциалом. Хотя эта сцена с непрошеным угощением казалась Тимоше стран-

ной, он решил, что так проявляется местная простота нравов. После третьей выпитой рюмки Толян захотел беседовать.

– Стало быть, ты из Москвы... – полуспросил, полуконстатировал он.

– Оттуда, – кивнул Тимоша.

– Видишь... А мы федюнинские.

– Да? Ну как вы тут? Живете, и вообще?

Толян на секунду задумался.

– В принципе, зашибись. Смотри сам: гуляем, пьем коньяк, пирожками закусываем.

– А на коньяк-то откуда деньги? Наверное, на заводе хорошо платят?

– Кто его знает, как там на заводе платят...

Склонившись к Тимоше, Толян доверительно пояснил:

– Дурак только вкалывает на заводе, а мы зарабатываем друг на друге. Я с тебя счесал, ты с меня, и оба мы при деньгах.

– Какие-то непонятные тут у вас экономические отношения.

– Что тебе непонятно? Развиваем сферу услуг. Или мы хуже твоей Москвы?

Тимоша уже слегка захмелел, оттого и беседа казалась ему занятой. «Этот Толян, – думал он, – человек простой, говорит напрямик, не виляя».

Официантка Татьяна принесла борщ. Толян заказал еще коньяка и, очевидно из местного патриотизма, гамбургер по-федюнински. Разговор продолжался.

– Вот скажите, Толян, – поинтересовался Тимоша. – Я тут прошелся по городу и заметил, что у вас дома все недавно построены. А куда подевалась ваша историческая застройка?

Толян посмотрел на него не без гордости.

– Срыли к едрене фене! – ответил он. – Зашибись стало, правда? Взять хоть это вот «Отдохни» – не хуже отель, чем в Египете... ты там был? А знаешь, про между прочим, что раньше стояло на этом месте? Историческая пивнушка.

– Неужто?

– В натуре! Мы звали ее рыгаловкой. Только ты в ней пивка не попил бы. – Толян лукаво прищурился.

– Почему же?

– Да потому, что таких, как ты, от которых Москвой за версту разит, мы, федюнинские ребята, очинно не любили.

Тимоша поежился.

– Но теперь-то, надеюсь, всё изменилось?

– Теперь изменилось... – Толян вздохнул. – Теперь наступила толя... как ее... толиорантность. Амнистия, короче, всем. В Федюнине, если хочешь знать, теперь даже негр имеется. Чумазый, и водку пьет, и на бильярде играет – и ничего, только, когда ужрется, спотыкаемся об него ночью.

Борщ оказался съедобным, чикен с картошкой фри был такой же, как и везде в мире. Но плотная трапеза не спасла Тимошу от опьянения; он не помнил, чем кончился их разговор с Толяном. Официантка Татьяна то появлялась, то исчезала из поля зрения, всякий раз, когда он порывался с ней рассчитаться. Было ужасно глупо вот так без причины напиться. Это нелепое обстоятельство спутало ему все планы. Визит к Любе Новиковой откладывался до вытрезвления.

Конечно, Тимоше в таком состоянии вряд ли бы удалось произвести благоприятное впечатление на Любу Новикову. Зато официантка Татьяна проявила к нему снисходительное участие. Получив от него пятитысячную купюру, она сама отсчитала, что следовало, за обед и свое обслуживание, а сдачу сунула ему в карман.

– Кое-кому не мешало бы в койку, – заметила она деликатно. – Можете, если желаете, отдохнуть у нас.

– Можем и отдохнуть... – согласился Тимоша. – А потом на бильярде сыграем.

Поддерживая под локоть, Татьяна вывела его в гостиничный холл. Она же составила ему протекцию на ресепшене и сама проводила в номер. Тимоша был тронут ее заботой; он продолжал бормотать слова благодарности, даже оставшись уже один.

7. Предательство

Всякому пьяному надо проспаться – это общее правило. Как и советовала официантка, Тимоша улегся в кровать. Но что-то пошло не так в процессе его засыпания; сознание не выключалось полностью. Максимум, чего Тимоше удалось добиться, – это впасть в состояние полудремы. Как оказалось, отель «Отдохни» обладал чрезвычайной звукопроводностью. В номере были слышны и шумы ресторанной кухни, и стуки бильярдных шаров, и отрывистый мат бильярдистов. Здание всё беспрестанно поскрипывало и подрагивало оттого, что внутри него кто-то ходил, а снаружи ветер колебал стены. Как долго просуществует эфемерное заведение, что возникнет на его месте после того, как федюнинцы его «сроят»? Вместо того чтобы спать, Тимоша задавался пустыми вопросами. А что, если скрипы и колебания имели потустороннее происхождение? Может быть, это духи прежних федюнинцев здесь бродили, оплакивая свою «рыгаловку»? Полусонная мысль обращалась к историческим реконструкциям. Палеофедюнинцы представлялись Тимоше в образах мужиков, одетых на голое тело в засаленные пиджаки. Они пили водку с пивом и постоянно осматривались в поисках чужаков. Если же чужаков поблизости не обнаруживалось, мужики устраивали побоища между собой.

Польза фантазий в том, что они отвлекают от настоящего, особенно если оно безрадостное и постыдное. Вот кое-кто поехал за шестьдесят километров, чтобы познакомиться с девушкой, а вместо этого назюзюкался с первым встречным Толяном. И теперь он лежит на кровати в шатающейся гостинице и тем только утешается, что его не вытошнило.

А недостаток фантазий в том, что они всегда уступают место реальности. Когда наконец Тимоша сознал, что уснуть у него не получится, то решил освежиться действием. Он поднялся с кровати, обулся, умылся, проверил свой кошелек. Тимоша не знал, куда направляется, – лишь бы прочь от навязчивых рефлексий. Однако, спустившись по лестнице в холл, он был вынужден определиться. Теперь от него бильярдная оказалась справа, а обеденный зал слева. Прямо была входная дверь, открывавшаяся в Федюнино; где-то там ждала его Люба Новикова, о которой сейчас не хотелось думать. «Задача – взбодриться, – подумал Тимоша. – Надо, наверное, выпить кофе». И он повернул налево.

В обеденном зале к вечеру прибавилось посетителей; было шумно, играла музыка. Федюнинцы взбадривались блатным шансоном и алкоголем. Тимоша не без труда отыскал свободное место и присел, высматривая официантку. Она появилась довольно скоро – это была всё та же Татьяна. Официантка заговорила с Тимошей по-дружески, неофициально:

– Что, уже отдохнул?

– Можно и так сказать, – неуверенно ответил он. – Чего-то такого хочется... Скажем, кофе покрепче.

– Кофе у нас растворимое.

– Ну конечно. А чай в пакетиках... – Он вздохнул: – Что-то у вас в Федюнино всё какое-то ненатуральное.

– Ну почему, – возразила Татьяна. – Кое-что натуральное у нас имеется.

– Что, например? – Тимоша поднял на нее глаза.

– Например, я сама, – без улыбки ответила официантка. – Я сама целиком натуральная. Она подкрепила свои слова легким покачиванием бюста.

– И можно проверить? – чуть удивившись, спросил Тимоша.

Татьяна склонилась к самому его уху:

– Если позовешь в гости.

– Зову, – не раздумывая, ответил он.

В кофе нужды уже не было – сердце забилося само собой. Неожиданно для себя Тимоша заказал коньяку – скорее всего, из соображений имиджа. Татьяна сказала: «О-кей» – и отплыла на волнах шансона.

Но не успел Тимоша проводить ее взглядом, как объявилась другая знакомая ему фигура. Это пришел Толян, с которым они выпивали и который, похоже, с обеда не отдыхал. Наступила Тимошина очередь угощать Толяна. И снова Тимоше не хотелось пить, и снова он поднабрался. Но так было даже лучше, потому что хмель заглушал голос совести. С Любой Новиковой было всё кончено, даже и не начавшись; если она сегодня потратилась на угощение и парикмахерскую, то напрасно.

Однако на этот раз Толян не исчез в алкогольных парах, а заманил Тимошу в бильярдную. Здесь Тимоша имел знакомство с другими аборигенами, включая афрофедюнинца, упомянутого за обедом. Местные были вполне дружелюбны, только во время игры отчаянно матерились. Многие были не прочь обыграть Тимошу, но удовольствием этим Толян поделился лишь со своим приятелем негром. Эти двое за пару часов ободрали Тимошу вчистую.

– Мольодес! – чернокожий хлопал его по плечу и смеялся своим негритянским, как бы простуженным голосом.

Впрочем, когда наличные у Тимоши кончились, оба новых его товарища потеряли к нему интерес. После этого не оставалось ничего другого, как вернуться в свой номер, принять отрезвляющий душ и ждать последнего приключения на сегодня.

Он был уже у себя, когда позвонили родители. Папа спрашивал, всё ли у него в порядке и не едят ли его комары. Тимоша ответил, что комары его не кусают, и в остальном всё тоже более или менее. Слышно было, как его слова папа передает маме. Родители могли спокойно ложиться спать, но Тимоше рано было об этом думать. В любую минуту к нему могла постучаться Татьяна, если, конечно, она не передумает и не поступит с ним так, как он поступил с Любой Новиковой.

Тимоша заглянул в бумажник – просто так, безо всякой надежды. Там оставалась кредитка, московский «единый» и билетик на электричку, взятый предусмотрительно в оба конца. Путешествие получалось столь же затратным, сколько и бесполезным. Тимоша был очень разочарован; такая провинция ему не нравилась. Да и была ли это подлинная провинция? Похоже, «федюнинские ребята» даже и не заметили, как «московские» их победили. Конечно, не на бильярде, а в экзистенциальном смысле.

Федюнино обмануло Тимошины ожидания – что ж, он в отместку обманет Федюнино. Этой ночью не будет ни сантиментов, ни откровений души, ни романтических обещаний. Он встретит Татьяну как мужественный варяг, как закаленный постельный воитель. А завтра Тимоша без церемоний простится с Федюнино и федюнинцами. Он уедет от них неузнанный, и пусть им останется от него только его наличность.

8. Сон Любы Новиковой

Тем же вечером в том же Федюнино ужинали две женщины – одна помоложе, другая постарше. Они приступили к еде, когда за окнами уже стемнело. После заката вредно принимать пищу, но у женщин была уважительная причина. Они до последнего часа ждали московского гостя, который так и не появился. Оттого, что ужин готовился на троих, и по причине переживаний обе женщины съели лишнего.

– А я тебе говорила, – твердила старшая. – Что за блажь знакомиться через компьютер?

– Мама! – со стоном отвечала младшая.

И они отрезали себе еще по куску торта.

– Мы с твоим покойным отцом повстречались на семинаре по бухучету. А тебе и того удобнее: каждый день пациенты, знай выбирай, который тебе понравится.

– Мама!

Женщины не считали поглощаемые калории; ели, не чувствуя удовольствия, только чтобы подавить раздражение. А сердились они друг на друга, потому что больше сердиться им было не на кого. «Неудачница, интернетчица! – сокрушалась старшая про себя и вслух. – Мне бы твои молодые годы!» А младшая находила старшую примитивной личностью. Знакомиться с кем-то в процессе зубоврачебных манипуляций казалось ей так же неромантично, как и на семинаре по бухучету. Женщины с двух сторон поедали торт, который был им обоим одинаково противопоказан.

После ужина, вымыв и перетерев посуду, они разошлись по комнатам. Позже, уже в халате, младшая ходила в ванную и стрекотала там ирригатором. Ей ли было не знать, как важна гигиена ротовой полости. Завершив положенные процедуры, она заглянула в комнату к старшей, чтобы попрощаться на ночь. Та смотрела по телевизору пошлый отечественный сериал.

День для женщины выдался не из лучших. Но что бы ни случилось в жизни, спать, конечно, необходимо. Это единственный способ восстановить поврежденное биополе. Первая фаза – так называемый глубокий сон, вторая – быстрый, со сновидениями. Этой ночью женщине снился какой-то ее пациент – мужчина с заплаканными глазами и слюноотсосом во рту.

– Неужели так больно? – спрашивала она его.

Но пациент отрицательно мотал головой.

– Тогда почему вы плачете?

– Не жнаю... – отвечал он.

Женщине не впервой было видеть плачущего пациента, но в эту минуту, во сне, ей тоже хотелось плакать.

Глава третья: Алена

1. Рецессия

И потекла его жизнь по-прежнему: овсянка, работа, исландский кинематограф, женщины для массажа. Москва простила Тимоше отлучку или даже ее не заметила. Он и сам бы хотел стереть федюнинский эпизод, удалить навсегда из памяти. К сожалению, мозг человека не форматируется, как жесткий диск. Хорошо, что свое приключение он сохранил в секрете, так что его недоезд к Любе Новиковой вышутить было некому.

И в окружающей, внешней действительности тоже не было ничего веселого и занимательного. Из-за жары тем летом в обществе чувствовалась апатия, то есть отсутствие определенных чувств. В экономике государства сделалась небольшая рецессия, отчего в Москве сократилось строительство, отчего в Проектной организации, где Тимоша работал, подвисли заказы и замерла трудовая деятельность. Но безделье приятно только тогда, когда отлыниваешь от работы; если же работы нет, то безделье само превращается в тяжкий труд.

Начальник Проектной организации предпринимал усилия. Жертвуя своим здоровьем, он ходил на деловые ужины с заказчиками и городскими чиновниками. Вследствие этих ужинов по утрам начальник бывал недоступен ни для кого, кроме секретарши Маечки, которая приносила лед. Однако сотрудники организации верили в его звезду. Их начальник считался заметной фигурой в области градостроения.

Надежда на лучшее будущее помогала сотрудникам проживать никчемное настоящее. В комнате, где Тимошино подразделение убивало время, единственным, кто работал, был кондиционер. Компьютеры-макинтоши светились попусту, даже не шевеля ядрами своих процессоров. О том, что когда-то кто-то здесь занимался делом, напоминали развешанные по стенам планшеты с эскизами былых проектов и пенопластовый макет застройки, частично уже попорченный и пылившийся на столе в углу.

Рабочее помещение было общее, не разгороженное на клетушки. Можно было бумажную «галочку» пустить беспрепятственно через всю комнату. И не беда, если «галочка» прилетит на стол к шефу Розкинду. Руководитель подразделения был человеком мягким и либералом во всех отношениях. В неслужебное время Розкинд принадлежал к ЛГБТ-сообществу.

В неразгороженной комнате было видно, кто из сотрудников чем занимается. Конечно, по большей части они не пускали «галочек», предпочитая интеллектуальные формы безделья. Одни вышивали на пяльцах, другие зачитывались Бегбедером и Уэльбеком (который тоже не сорт сыра). Кто-то обменивался рецептами интересных блюд, кто-то без цели и усталости множил графические фантазии. Тимоша в компании двух коллег и самого шефа Розкинда расписывали нескончаемую партию в преферанс. Играли, как говорится, «на интерес», хотя особенного интереса никто из них не испытывал.

День за днем проходили, не принося новостей. И вот неожиданно, в самый разгар служебных досугов, к ним нагрянул начальник организации. Карты, вязанье, французские книжки – всё полетело в столы. Сотрудники приготовились получить взбучку. Но восставший с похмельного одра начальник явился к ним не с инспекцией.

– Коллеги, наострите уши, у меня архиважное сообщение, – объявил он.

Они и сами догадывались, что сообщение будет важным, потому что с неважным начальник прислал бы Маечку. Сотрудники предположили, что он выбил-таки заказ и что им придется опять привыкать к работе. Однако они ошибались.

– В этот четверг, коллеги, у Марика состоится персональная выставка. Кто такой Марик, вы знаете. Приглашаются все желающие. Кто не придет, будет уволен.

Последние слова начальника были шуткой. Мариком звали сына начальника, начинающего художника; полное имя его, наверное, было Марк. Сотрудники оживились; кто-то спросил, будут ли на вернисаже подавать напитки.

– Будут, – ответил начальник, поморщившись. – Пропади они пропадом, эти напитки.

2. Вид на Москву с высоты пентхауса

Марик не заслужил пока ни взрослого имени, ни имени в мире искусства. Но фамилия у него была известная, правда, в области градостроения. Поэтому на его выставке собралась главным образом градостроительная общественность. Зато уж сам вернисаж был устроен в наилучшем виде. Папа для Марика снял замечательную галерею – в центре Москвы, в пентхаусе, с выходом на террасу. Если кому-то из посетителей надоедало разглядывать Мариковы произведения, можно было пройти на террасу и полюбоваться городом. Надо сказать, что этим удобством воспользовалось большинство гостей. С рюмкой в руке и с канапе в другой они откочевывали на крышу, где и курить позволялось, и разговаривать на любые темы. Разумеется, перед этим все успевали принести свои поздравления папе и самому Марику.

– Успех, несомненный успех! – говорили гости. – Место для выставки выбрано замечательно.

Мама Марика тоже присутствовала на вернисаже, однако на поздравления не реагировала – она наблюдала за тем, как со стола с напитками убывают бокалы и канапе.

Тимоше труда не составило определить среди прочих виновника торжества. В яркой рубашке навыпуск, с кипой на голове взамен артистического берета, Марик был очень заметен. Тимоша пожал ему руку и что-то сказал приятное. После этого можно было с чистой совестью идти к напиткам. Вообще-то, наверное, следовало осмотреть Мариковы работы, почитать аннотации к ним, но Тимоша решил, что это необязательно. Стесняясь Мариковой мамы, он все-таки взял со стола бокал, подцепил канапе и проследовал на террасу.

Из искусственной прохлады зала Тимоша попал непосредственно в тропосферу. Густой, нефльтрованный московский воздух объял его духотой. Над террасой витал смешанный аромат соусированного табака, горьких дамских вечерних духов и взопревшего за день города. Здесь уже посетители чувствовали себя раскованно. А для чего же и было им сюда приходить – для того, чтобы встретиться со знакомыми, пообниматься, похохотать, посплетничать. Как сказала бы Тимошина мама, они были люди одного круга.

Но Тимоша был не настроен ни с кем обниматься и сплетничать. Он подошел к перилам и стал смотреть на Москву. Терраса располагалась выше многих окрестных крыш. Всякий, кто здесь стоял, мог ощутить себя соразмерным городу, совеличественным ему. Но большинству собравшихся это было не нужно; опершись о перила задами, люди покуривали и судачили. «Можно подняться на самый верх, но над собой не возвысишься», – думал про них Тимоша. Размышления привели к тому, что он уронил свое канапе. Перегнувшись через перила, Тимоша искал его место падения, но с большой высоты разглядеть не смог. Город слопал его канапе. Впрочем, Тимоша отнесся к этому философски – снова приняв байронический вид, он допил свой бокал без закуски.

Теперь ему показалось довольно глупо стоять одному и с пустым бокалом. Он не был уверен, что Марикова мамаша позволит ему повторить, но всё же решил рискнуть. Пробираясь через толпу гостей, запрудивших террасу, Тимоша заметил несколько знакомых лиц. Был тут, конечно, и шеф Розкинд, который ему приветливо помахал рукой. Но Розкинд стоял не один, а уже тусовался в компании нескольких джентльменов. Все повернули в Тимошину сторону элегантные бородки-снобки, но ему нужны были не собеседники, а второй бокал. Из

другого кружка, женского, Тимоше сигнализировала секретарша Маечка взмахами накладных ресниц. Словом, дорога к столу с напитками оказалась не так проста. Зато, добравшись до цели, Тимоша удачно сумел ухватить предпоследний бокал. Марикова мамаша ему ничего не выразила – то ли глаз у нее замылился, то ли Тимоша зря вообразил ее жадиной.

Но на террасу он больше не возвращался. Там пришлось бы в конце концов примкнуть к какой-нибудь из компаний, а он уже сыт был обществом даже и без общения.

3. Кислородная недостаточность

Покинуть собрание незамеченным было совсем несложно, ведь и его присутствие мало кто замечал. Вычтя себя из общества, оставшегося на вернисаже, Тимоша спустился на землю и приплюсовался к армии пешеходов. Воздух улиц был гуще, чем на террасе пентхауса, зато здесь не требовалось ни с кем любезничать. Вместе со всеми Тимоша перебирал ногами, без любезностей и без рефлексий, только покуривая на ходу. Пешеходы струились по тротуарам, как прогоняемые отары, а на проезжей части всхрапывал, напирая, крупный колесный скот. Москвичи, утомленные зноем, стремились в покойные стойла, и лишь непопеющая молодежь жаждала развлечений. Когда-то Тимоша и сам был молодым и веселым, но теперь он принадлежал к утомленному большинству. К тому же он на сегодня свое развлечение получил.

Затем, спустившись еще ниже, Тимоша оказался в метро. Войдя в свой вагон, он наметанным глазом выискал себе местечко, а усевшись, мгновенно оцепенел. Душа пассажира метро путешествует с телом врозь. Покуда она блуждает где-то, в местах, ей одной известных, тело качается в такт с вагоном, спит или смотрит перед собой невидящими глазами. Этот бездумный взгляд может пасть на коленки сидящей напротив женщины, а она как будто и не заметит. Только ее коленки, поерзав, сильнее прижмутся друг к дружке.

В эти минуты Тимоша понятия не имел, куда смотрят его глаза. Он думал о вернисаже и Марики, начинавшем, а может быть уже закончившем, свой путь в искусстве. Возможно, итогом его карьеры станут как раз буклетики с этого вернисажа. Настоящий талант, полагал Тимоша, должен созревать непублично, без выдаваемых наперед авансов. Он судил не абстрактно, потому что был тоже причастен к творчеству, только литературному. Сам Тимоша созревал правильно: он писал регулярно и как прозаик, должно быть, рос, но никогда никому не показывал своих текстов.

Между тем его тело доехало до нужной станции. Оно вышло из поезда и, поднявшись на эскалаторе, высадилось на поверхность. Только вдохнув знакомую теплую газопылевую смесь, Тимошино тело воссоединилось с его сознанием.

Кислорода в московском воздухе было решительно недостаточно. Недостаток О-два плохо сказывается на работе мозга. Тимошу в тот вечер расстроили и раздосадовали папа с мамой. Они допрашивали его в подробностях о Марикином вернисаже. Дело в том, что хотя родители и не знали самого Марика, но отдаленно когда-то были знакомы с его отцом.

– Что значит, юноша занят делом, – одобрительно заметил папа. – Такой молодой, а уже известность.

– Да, да, – закивала мама. – Именно делом, а не сомнительными развлечениями.

– Если бы ты, – продолжал папа, – вместо сомнительного массажа тоже как-то себя применил, скажем, в живописи или графике...

– Или хотя бы завел семью... – вставила мама.

– Или завел бы семью, – согласился папа.

– То было бы что? – хмуро спросил Тимоша.

– Мы бы тебя уважали больше.

На том разговор и закончился. Сегодня родителям изменило чувство меры и такта, и за это Тимоша их наказал, лишив вечернего кинопросмотра.

Всю оставшуюся часть вечера он провел в своей комнате, выходя лишь затем, чтобы выкурить сигарету. Когда наступила ночь, небо над городом потемнело, будто запекшись коркой. Воздух не сделался ни свежее, ни чище; Тимоша глотал его вместе с сигаретным дымом. В соседних домах из окна в окно бродили голые потные люди. Внизу на стоянке последний автомобиль устало тыкался рылом в бордюр. Под фонарем догуливала собака, уже еле вскидывавшая свою лапу. В удушающем сумраке завершался еще один суточный цикл жизни; город впадал в забытие, как не раскованный на ночь каторжник.

Этой ночью Тимоше даже не хотелось прозы, да и вряд ли он был способен написать что-то стоящее. Мыслей не было в голове – лишь, как бродяги в заброшенном доме, образы без порядка. Мелькали то Марик в кипе, то вилка в руке у папы, как указующий жезл. Градостроители в бородках-снобках, пугливые коленки женщин, даже эта собака, мочившаяся на фонарь, – всё могло пригодиться, найти свое место в тексте, но только не этой ночью.

4. Девушка в сарафане

Иногда так бывает, что утомленный мозг, закрывая дневные свои программы, не может завершить работу. Уже отключился анализ и потеряно управление умственными процессами, но пока не придет покой, это еще не сон. Разум парализован, некому охранять границы сознания, и человек грезит. Образы и фантазии самосевом распространяются в голове.

Этой и безвоздушной, и беспокойной ночью вместо нормального сна у Тимоши случилось видение. Не напрягая воображения, он из Москвы, угнетаемой жарким антициклоном, неожиданно перенесся куда-то в альтернативную сельскую местность. Он увидел подлунные доли, залитые туманом, и глянцевиные травы, и рощи, мерцающие листвою. Не вставая с постели, Тимоша словно бы задышал немосковским, полным ионов воздухом. Иллюзия овладела всеми органами восприятия. Живительная прохлада остудила и взбодрила тело. Явственно чувствовался пряный запах – должно быть, это пахло сено. В темноте раздавались трели неведомых насекомых. Реальность, в которую он попал, была поэтична и безупречна экологически, но всё же чего-то в ней не хватало. Впрочем, едва он об этом подумал, как недостаток восполнился. В свете луны показалась девушка, не худая, не полная, в ситцевом сарафане с высокой талией. Черты лица ее были издали неясны, но чувствовалось, что прекрасны...

И на этом видение оборвалось. Слишком сильное впечатление снова запустило мозг. Тимоша, вернувшись к реальности, был очень разочарован, хотелось назад, к этой девушке. Но тут его осенило: ведь то, что ему пригрезилось, где-то существовало на самом деле! В то время как он теребил усталое воображение, пытаясь оживить фантазию, девушка в сарафане где-то ждала его во плоти. А раз это было так, значит и действовать требовалось практически. Вместо бесплодных мечтаний надо было опять поднять картотеку провинциалок. Только стоило поискать где-то подальше Федюнино.

Так к Тимоше пришло решение, а вместе с ним и пришел покой. Немного еще поразмыслив, он заснул обычным порядком.

5. Из Москвы, из Москвы...

Если наутро вы вспомните о решении, принятом накануне, значит, это судьба. Тимоша не только вспомнил, но еще дополнительно укрепился в своем решении, услышав прогноз погоды. Похоже, Москве предстояла участь забытой в духовке пиццы. Поиски следующей провинциалки Тимоша инстинктивно соединил с поисками прохлады. В этом смысле было

естественно мониторить северное направление. Поставив себе задачу, Тимоша отправился в облако и сразу понял, что дело за девушками не стало. К северу от Москвы их проживало ничуть не меньше, чем в любом другом направлении. Гораздо труднее было девушку сочетать с местностью в надежде на воплощение вчерашней ночной фантазии. На спутниковой фотокарте было множество болот и речек, обещавших ночные туманы, однако девушки предпочитали жить в населенных пунктах, обеспеченных Интернетом. Наконец Тимоша нашел если не полное совпадение, то, как ему показалось, приемлемый компромисс.

Город звался Бобры, и, правду сказать, его нельзя было отнести к сельской местности. Википедия сообщала, что в нем даже ходили троллейбусы. Однако промышленное производство, способное портить воздух, здесь прекратилось в процессе деиндустриализации. И главное, девушка, та, с которой Тимоша теперь собирался знакомиться, жила на самой окраине. Судя по карте, сразу за ее домом уже начинались какие-то пустыри и кустарник. Девушку звали Алена – чудесное имя, когда оно собственное, а не придуманное промоутерами для пошлых певичек и делательниц бестселлеров. Но эта Алена, конечно, жила далеко от промоутеров. Правда, Тимоше она писала, что хочет приехать в Москву, чтобы поднять свой культурный уровень. Даже пришлось ее уговаривать сделать наоборот, то есть принять Тимошу у себя в Бобрах. Девушка согласилась, но попросила сообщить номер поезда и вагон, в котором он к ней приедет. Таким образом, предварительные прогулки по городу заранее исключались. «Алена любит определенность», – думал Тимоша, глядя на ее портрет. Он пытался вообразить ее в сарафане.

6. Разговор с родителями

На сей раз ему предстояло настоящее путешествие – не электричкой, а дальним поездом. Тимоша даже решил отпроситься у Розкинда на понедельник. Впрочем, это проблемы не составляло, гораздо сложнее было отпрашиваться у родителей. Папа с мамой, которые ничего не знали о Тимошиных разысканиях по женской части, были, конечно, шокированы. Правда, их изумляло больше не то, что он едет к женщине, а то, куда.

– Зачем тебе эти Бобры? – недоумевал папа. – Москва – колоссальный город, здесь несколько миллионов шансов встретить прекрасную девушку.

– Всё это очень странно, – вторила ему мама. – И подозрительно. Что общего может быть у тебя с Бобрами? А знаешь ли, что пауки раскидывают свои сети именно в самых темных углах?

– Мама, какие углы! – отбивался Тимоша. – Мы познакомились с девушкой в Интернете, это всемирная паутина, и все так делают.

Родительские волнения начались до вечернего выпуска новостей, а после него продолжались. Мама порывалась даже ехать с Тимошей вместе, чтобы самой увидеть, во что он ввязался. Но это совсем уже было бы Бобрам на смех. Тимоша показывал маме с папой Аленоно резюме с портретом и статью в Википедии о Бобрах. То и другое не слишком их впечатлило, но слегка успокоило. В итоге пришли к тому, из чего, по идее, следовало исходить. Мама с папой торжественно объявили, что полагаются на Тимошино благоразумие.

7. На вокзале

Все поезда в России идут в Москву, а поскольку Тимоша уже в ней жил, он и не помнил, когда путешествовал поездом дальнего следования. Но о том, что это такое, он имел представление из Интернета и старых советских фильмов, где много сцен происходит в вагоне поезда. Тимоша, конечно, знал, что вагоны бывают разные – от «сидячего» до купейного. Ехать ему предстояло на среднее расстояние, поэтому он и вагон выбрал средней комфортно-

сти, то есть плацкартный. На сайте железной дороги Тимоша приобрел электронный билет – заключил с ней контракт на перевозку себя в Бобры. Кибербилет он распечатал для предъявления на вокзале и обмена на настоящий.

Наконец наступила пятница, день отъезда. Еще эту пятницу можно было назвать днем складывания рюкзака – складывания, вытряхивания и повторного складывания. Сам отъезд приходился на поздний вечер. Чтобы утром прибыть в Бобры, Тимоша должен был из Москвы выехать ночным поездом. В организационном смысле это было рационально, но по-человечески как-то грустно. У покидающего свой кров на закате солнца сердце просто не может не дрогнуть.

Тимоша уже в метро почувствовал собственную отделенность. В это время среди пассажиров большую часть составляли припозднившиеся трудоголики. Измученные мечтами о карьерных лифтах, трудоголики разъезжались по «спальникам». Креатив в их глазах простыл; гаджеты выпадали у них из рук. Всех себя отдали они в своих офисах, а значит, отдали себя Москве, самому офисному из городов. Тимоша смотрел на людей, опоенных жарой и усталостью, и понимал, что сегодня он им не брат.

А скоро он окончательно распрощался с городом. Пройдя через врата вокзала, Тимоша ступал в иной, железнодорожный мир. Чтобы стать полноправным его обитателем, необходимо было выправить себе билет. После этого человек получал звание пассажира, доступ в зал ожидания и право пользования туалетом. Тимоша решил воспользоваться этими привилегиями – из интереса и просто по обыкновенной надобности.

В зал ожидания он вошел сквозь обязательные антитеррористические воротца. Интерьер помещения был, конечно, антивандальный и состоял в основном из скамей «анатомической» формы. Но анатомия этих скамей, похоже, не соответствовала человеческой – пассажиры в них принимали самые странные позы. Те, кто сидел давно, выглядели уже бесформенными кулями. Зал в основном наполняли транзитники, это было типичное сборище провинциалов. Люди шикали своим детям и пугливо косились на камеры наблюдения, натыканные тут повсюду. Тимоша окинул провинциалов доброжелательным взглядом и проследовал к двери с изображением мужской фигуры.

Опровергая стереотипные представления обо всем вокзальном, туалет оказался чистым и оснащенным технически. Дизайнерские писсуары сияли снаружи и изнутри; они то и дело сами себя ополаскивали и негромко урчали, словно переговариваясь между собой. Рукомойные краны срабатывали автоматически. Жидкое мыло, бумажные полотенца – казалось, взыскательному посетителю здесь не на что было сетовать. Однако не все в туалете выглядели счастливыми. Провинциалы робели и озирались в поисках телекамер. Какой-то мужчина, Тимошин случайный сосед, поделился своей проблемой.

– Не получается, хоть ты что. Хочется, а никак.

– Сочувствую, – сказал Тимоша.

– Тут у них... – сосед заговорщицки понизил голос, – тут у них всё тотально под наблюдением. Каждый толчок просматривается.

Тимоша не захотел развивать беседу. Он отошел к рукомойнику, а мужчина обратил свои жалобы к писсуару.

И в эту минуту во всем туалете раздался женский официальный голос, который и правда мог напугать. Покрывая все остальные голоса и звуки, он объявил начало посадки на поезд Москва – Бобры. Тимоша поторопился к выходу.

Табличка со стрелкой и надписью «К поездам» отъезжающих направляла во внутренний двор вокзала. Он служил возглавием для перронов и местом, где пассажиры могли почитать табло и подумать или побегать туда-сюда, волоча за собой колесные чемоданы и сталкиваясь друг с другом. Здесь уже ощущался индустриальный запах и чувствовалось

присутствие больших машин. За человеческим гомоном слышался лязг металла, свистки маневровых локомотивов и тяжкое бормотание их моторов.

Тимоша прекрасно сориентировался. Тогда как многие пассажиры суетились и нервничали, он без труда отыскал свой поезд и уверенным шагом направился вдоль состава, отсчитывая вагоны.

8. Отправление

Поезд оказался фирменный. У вагонных дверей пассажиров встречали приветливые проводницы. Крепконогие, в туго сидящей форме, они были скроены на один лад, будто их отбирали по кастингу. Возраста женщины казались среднего, но если их построить рядом, вполне бы сошли за какой-нибудь чуть перезревший ансамбль железнодорожной пляски.

– Проходить... Проходить... – Оканье проводницы производило впечатление провинциального простодушия. Но когда Тимоша показывал ей билет, то поймал на себе опытный женский взгляд.

– Проходить, – пригласила его проводница, как и других пассажиров, но ему показалось, что для него голос ее прозвучал теплее. Тимоше на миг припомнилась федюнинская Татьяна, но только на миг; в следующую секунду он и думать о ней забыл.

Время настало знакомиться с внутренним устройством вагона. Жилые отсеки в нем были открыты, словно киношные декорации со снятой стенкой. У Тимоши возникли ассоциации. Казалось, вот-вот увидишь каких-нибудь комсомольцев, отправляющихся на всесоюзную стройку. Советская молодежь запекает что-то бодрое под баян, а в соседнем отсеке женщина кормит младенца грудью, они едут в эвакуацию. А еще через стенку заслуженный партработник пьет коньяк с красивой вдовой. У него на груди депутатский знак, на ней романтический газовый шарфик – двум людям, изведавшим жизнь, выпало встретиться в поезде. А вот и Тимошино место.

Он обнаружил в своем отсеке всамделишную молодежь, разумеется без баяна. Юноша с девушкой, сидя бок о бок, тыкали уже вовсю пальцами каждый у себя в смартфоне. Друг с другом они не общались, но все-таки, видимо, составляли пару. Вдруг у девушки что-то произошло в ее виртуальной реальности.

– Вау! – пискнула она вслух.

Юноша покосился на ее экранчик и с усмешкой сказал:

– Подумаешь...

Отодвинув оконную занавеску, Тимоша обзрел перрон. Проводница стояла еще снаружи, должно быть, на всякий случай. Тимоша прикинул, что если в вагон больше никто не сядет, в его отсеке останется свободная полка. Ему захотелось вдруг, чтобы так оно и случилось. Полка Тимоше была не нужна, но отсутствовавший пассажир представлял собой неизвестность и потому внушал смутное беспокойство. Наконец проводница исчезла из виду – наверное, перебралась в тамбур. Тимоша зывал про себя к далеким водителям поезда, и они его словно слышали – бесшумно, вначале почти незаметно, перрон за окном поплыл. Так бывает, когда закружится голова: справа налево двигались все фонари и урны и люди шагали спиной вперед. Но с головой было всё в порядке, всё вообще складывалось замечательно. Четвертый сосед в отсеке так и не появился; с души у Тимоши отвалился камень.

9. Поезд Москва – Бобры

Всякому, покидающему Москву железнодорожным способом, с ней еще предстоит нескончаемое расставание. Лучше, когда прощание происходит ночью; «нуар» придает Москве недостающую ей загадочность. Ночь натекает в Москву, а та в свою очередь распро-

страняется далеко во тьму. Границы теряются; город делается безмерным, не уместаясь ни в рамке окна вагона, ни даже в пределах воображения. Ночью Москва разрастается во Вселенную и, как Вселенная, видима только в некоторых своих частях. Тимоша всматривался в Москву сквозь двойное стекло и призрачное отражение самого себя.

Юные его попутчики, кажется, тоже заметили, что поезд уже в пути. Они развернули и съели каждый по вафельному батончику, запив его баночкой газировки. Подкрепившись, молодые люди не разошлись по полкам, а только подобрали ноги и завесились простыней. «Экая дружная парочка», – подумал Тимоша. Сквозь простыню опять засветились два маленьких зарева от экранчиков.

Пассажиры в других отсеках тоже располагались и обустривались. Стуки полок и голоса доносились будто сквозь вату из-за вагонной акустики. Выглянув в коридор, Тимоша увидел в конце его очередь в туалет. Хорошо, что этот вопрос он для себя решил еще на вокзале.

Постепенно, однако, шум и хождение по коридору стали менее интенсивными. Большинство пассажиров уgomонилось. Проводница убавила общий свет. А Тимоша до этого времени даже не разобрал постели. Спать ему не хотелось. После того как в окне истаяла наконец Москва, он ощутил нужду, впрочем, не связанную с туалетом. Пошарив в своем рюкзаке, Тимоша достал сигареты и выбрался из своего отсека. Пол вагона погуливал под ногами, делясь с ним толчками рельсов. Для Тимошиных плеч коридор был довольно тесен, вдобавок из некоторых отсеков торчали ноги. Уклоняясь от этих ног, Тимоша двигался в сторону тамбура. В отсеках, которые он миновал, пассажиры по большей части спали или взаимодействовали со своими гаджетами. Никто не играл на баяне и никто не вел пресловутых вагонных бесед. Только в одном отсеке он обнаружил компанию, но, конечно, никак не похожую на стройотряд. На столике в том отсеке стояла бутылка виски, по сторонам от которой сидели и полулежали мужчины в фасонных бородах. Они разговаривали и смеялись, и бородки их шевелились.

Добравшись наконец до тамбура, Тимоша был сильно разочарован. Он надеялся покурить в одиночестве, а нашел филиал всё той же компании. Такие же два мужчины с бородами баритонили на весь тамбур. С ними была и женщина, без баритона и бороды, но очень самоуверенная. Говорили о монастырской архитектуре; при этом мужчины старались теснее прижаться к женщине, а она была крайне увлечена беседой. Женщина была нестара, недурна собой и не очень трезва и потому высказывалась с большим апломбом. Из их разговора Тимоша понял, что эти люди – московские архитекторы, которые, как и он, направлялись в Бобры осваивать тамошние достопримечательности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.